

Елена Арсеньева

Сокол ясный (Елена Глинская – князь Иван Оболенский)

*Часть сборника
Любовь у подножия трона
(сборник)*

Любовь у подножия трона

Елена Арсеньева

**Сокол ясный (Елена Глинская
– князь Иван Оболенский)**

«Автор»

2003

Арсеньева Е. А.

Сокол ясный (Елена Глинская – князь Иван Оболенский) /
Е. А. Арсеньева — «Автор», 2003 — (Любовь у подножия трона)

ISBN 5-699-04439-6

«– Старица Елена, пожалуй на молебен! – Маленькая послушница робко просунула голову в дверь бревенчатой келейки, больше напоминающей избушку на курьих ножках. Обитательница кельи, стоявшая на коленях в углу под образами, опустила воздетые руки, чуть повернулась.– Молебен? – Голос у нее тусклый, неживой. – Во имя чего?..»

ISBN 5-699-04439-6

© Арсеньева Е. А., 2003

© Автор, 2003

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

9

Елена арсеньева

Сокол ясный

– Старица Елена, пожалуй на молебен! – Маленькая послушница робко просунула голову в дверь бревенчатой келейки, больше напоминающей избушку на курьих ножках.

Обитательница кельи, стоявшая на коленях в углу под образами, опустила воздетые руки, чуть повернулась.

– Молебен? – Голос у нее тусклый, неживой. – Во имя чего?

– У великого князя Василия Ивановича... – начала было послушница, однако старица Елена резко вскочила, прервала ее:

– Что у него? Моровая язва? Огневица? Воспица? Прорвало его гнилую утробу? Лживый язык вспух да и вывалился? Да говори же! Преставился наконец-то, старый греховодник?

Послушница шарахнулась на крылечко, захлопнула дверь. Быстро перекрестилась. Ох, люта старица Елена! Ох, злоязыка! Мыслимое ли – такое про государя!.. Не ровен час кто узнает!

Отчего это она так ненавидит великого князя? Неужто правда, о чем украдкой судачат другие монахини? Будто старица Елена раньше звалась не Еленой, а Соломонией. И была она не абы кем, а государыней! Женой самого великого князя Василия Ивановича! Но якобы он отверг ее и силою постриг в монахини...

Коли так, не диво, что старица Елена грязно честит государя. Да нет, быть того не может, слухи все это и бабьи смотни.¹

За спиной скрипнула дверь.

– Ну, досказывай! – послышался мрачный голос старицы Елены. – Во имя чего молебен, говори! Не скажешь, я никуда не пойду, а на тебя мать-настоятельница епитимью наложит, – ехидно присовокупила она.

Послушница испугалась и зататорила:

– Молебен во здравие великого князя Василия Ивановича, и жены его, преславной великой княгини Елены Васильевны, и новорожденного чада их, великого князя Ивана Васильевича.

И осеклась. Обернулась, испуганно глядя на старицу Елену. Ежели правда, что говорят о ней... ежели она и впрямь была женой великого князя, то каково ей сейчас слышать такое?!

Ой, как начнет сейчас опять государя клясть!

Лицо старицы Елены сморщилось, будто она собиралась зарыдать. Но из сухого, тонкогубого рта послышались не всхлипывания, а отрывистые смешки.

– Что? – выдавила она. – Новорожденного чада?.. Родила она, литвинка сия? Родила?!

– Ну да, – кивнула послушница, радуясь, что на сей раз, кажется, обойдется без слез. – Сыночка великому князю. Иванушку. Родила.

– Иванушку? – выкрикнула старица Елена. – Сыночка великому князю?.. Да как же она измудрилась-то? Блудница литовская! Гулящая!

Послушница испуганно схватилась за виски. А старица Елена повалилась на ступеньки, корчилась, хохотала кощунно и выкрикивала:

– Блудница! Выблядка принесла! Нагуляла! Выблядок будет на Руси править! Дитя греха!

¹ Сплетни.

* * *

– Алена... – Княгиня Анна Глинская осторожно коснулась плеча дочери. – Знаю, что жених тебе по сердцу, и нам с отцом сватовство его лестно, однако...

– Что тебя заботит, матушка?

Анна не находила слов, с тревогой глядела на дочь.

Княжна Елена Глинская, темноволосая, синеглазая, с точеными чертами тонкого лица, чуть вздернутым носом и упрямым вишневым ртом, прославилась в свои восемнадцать лет как красавица. Стоило ей появиться в церкви, и взгляды всех молодцев так и липли к ней. И только ли молодые млели? Глаза мужчин в возрасте при виде Елены горели еще ярче, еще жаднее! Они видели в этой высокой, тонкой, быстрой в движениях девушке некую многообещающую приманчивость, которая может сулить ее будущему мужу много удовольствия, счастья... и беспокойства много, что и говорить, но это уж зависит от того, кто и как будет держать эту жар-птицу. И каждый в эту минуту думал, что уж он-то сможет удержать яркую пташку в своей клетке!

Рода она была хорошего – отец, князь Василий Львович Глинский, был подстолием Литовским, старостой и ключником Брестским, владел большими поместьями, которые у него были отняты после того, как он, вместе со своим братом Михаилом, враждовал против короля Сигизмунда, пытаясь отобрать у него Смоленщину, взять Минск, Киев и воцариться там, в «матери городов русских». Не вышло, едва не простились Глинские с головами. Пришлось бежать в Москву, на службу к великому князю Василию Ивановичу. Было это в 1508 году. Елена – Алена, как называли ее дома, – в ту пору еще только родилась. Она выросла в Москве, смешно слушать, как ее иной раз называют литвинкой. Но на русских белотелых, пышных, плаксивых да стыдливых боярышень и княжон она мало похожа. Может быть, именно это и привлекло к ней взоры и сердце великого князя московского, который хочет взять Елену в жены и сделать государыней?

Ничего, что он на тридцать лет старше невесты. Собою Василий Иванович хоть куда, любого юнца за пояс заткнет! Анна всегда считала, что ее вспыльчивой, задорной, дерзкой дочери нужен и отец, и муж в одном лице. Поэтому ей-то, как заботливой матери, жених был очень по нраву! Вот только слухи о его бывшей жене...

– Матушка, что тебя печалит? – нетерпеливо дернула ее за руку Алена, не получившая ответа.

Знает она о судьбе Соломонии Сабуровой? Конечно, знает, а как же иначе. Это всякому известно. Ведь минул только лишь год, как великий князь отлучил от себя жену, развелся с ней и неволею постриг ее в монастырь. Ходили слухи, ближний государев человек, дворецкий Иван Юрьевич Шигона-Пожогин (подьячий из тверских бояр), плеткой гнал ее под клобук! Все знали: пострижена Соломония не столько за то, что неплодна, сколько за то, что пыталась привлечь к себе остывшую мужнину любовь приворотными зельями и колдовством, которому научила ее некая ворожея Стефанида. Великий князь милостиво избавил жену от церковного суда, но отправил в Рождественский монастырь на Рву, а оттуда – в Покровский Суздальский.

А еще пронесся слухок, якобы Соломония, вскоре после того, как обосновалась в келейке Покровского затвора, родила скрытно ребенка мужеского пола, нарекла его Георгием и спрятала где-то в заволжских скитах, на Керженце, у верных людей, а сама-де люто хаяла при этом своего жестокого супруга и пророчила ему, что коли возьмет за себя жену новую, молодую, то она его в могилу сведет. И заодно проклинала она, Соломония, постриженная под именем Елены, и самого князя, и его будущую супругу.

Княгиню Анну дрожь брала от этого пугающего совпадения: и там, в монастыре, Елена, и тут... Есть от чего перепугаться. Хуже нет, когда проклятья брошенной жены влачатся вслед

новобрачной. Проклятья те непременно сбудутся – рано или поздно, но сбудутся именно в ту минуту, когда новая жена сочтет себя вполне благополучной и будет уверена, что уже никто не угрожает ее счастью.

Ох как не хотелось Анне отдавать свою любимую дочь за великого князя!.. За двух других, Анастасию и Марию, не болело так ее сердце. А вот Алена была ее самой большой радостью. И самой большой тревогой...

Но разве мыслимо поперек ее счастья пойти из-за каких-то пустых страхов и смутных слухов? Ведь если пораскинуть мозгами – ну какой в проклятьях Соломонии смысл?! Эко страшно – станет-де молодая жена причиной смерти великого князя Василия! Наверное, коли муж на тридцать лет жены старше, он всяко сойдет первый в могилу, и никакие чары, никакие лиходейства, никакие проклятия тут ни при чем.

Княгиня Анна приободрилась, улыбнулась, приветливее глянула в синие глаза дочери.

– Я все понимаю, матушка, – вдруг негромко сказала Елена. – Все понимаю! Ты думаешь, что со мною станется, коли и я окажусь столь же неплодной, как прежняя великая княгиня? Ты беспокоишься, что и меня в монастырь сошлют? И на меня клобук наденут? Ну, матушка, не томи себя! Я молодая! Я твоя дочь! Ты вон шестерых родила – чем же я хуже? Как это так – быть неплодной? Со мной такого случиться не может!

Однако с ней случилось именно это.

* * *

Великий князь ждал, что молодая жена зачреватее сразу после первой брачной ночи. Несчетное число раз наслаждался он ее молодой невинностью, ощутив, что сбросил самое малое пару десятков лет. Да, он помолодел рядом с Еленой, неизменно помолодел. И если кто из бояр и косоротился, видя великого князя преображенным, с коротко подстриженной бородой, одетого в польский кунтуш, обутого в сапоги с щегольски загнутыми носами, то благоразумно старался скрыть сие, потому что знал, какую власть забрала над мужем Елена Васильевна. А если кто не успевал скрыть недовольную мину, великий князь был на расправу короток. Вассиана Патрикеева и Максима Грека, книжников, поборников старинного благочестия, удалил из столицы за то, что восставали против развода с Соломонией и новой женитьбы? Удалил. В монастыри их сослал? Сослал! Симеона Курбского той же участи подверг? А то как же! И не только их... Ну и кому охота следовать пагубному примеру? Вот бояре и помалкивали, а сами исподтишка приглядывались к стану молодой княгини: скоро ли ее разнесет, как подобает?

Время, впрочем, шло, а Елена оставалась все такой же тонкой, что хворостина, гибкой, что лоза, прямой, что спица в колеснице. Однако приметливые люди вскоре зашептались, что дерзости в ее синих, васильковых очах поубавилось: появились-де в них страх, растерянность и озабоченность. И сама, видать, Елена Васильевна понять не могла, отчего не брюхатеет. О нет, великий князь жену ни словом, ни взглядом не упрекал, это всем было известно. За ними старательно подглядывали да подслушивали, но укоров не слышали, зато узнали, что в угождение молодой жене Василий Иванович учится выплясывать на манер литовской шляхты да пытается лопотать по-польски, в чем новая княгиня была искусна. С ума, короче, сошел великий князь. Ну, известно, седина в бороду, а бес в ребро. И те люди, которые ждали остуды меж новобрачными, вскоре ждать ее перестали. Ведь если Василий Иванович неплодную и немилую Соломонию двадцать лет при себе держал, то на эту разноцветную звонкоголосую пташку безукорно станет любоваться вообще всю оставшуюся жизнь.

Елена Васильевна тревожилась куда больше! Начались поездки по святым местам, по монастырям – все в точности, как было раньше с Соломонией. Одна разница: с прежней женой,

ведающей государево благочестие и благовоспитанной, ездили люди немолодые, чинные, степенные, могущие добрый совет дать и остеречь от любой ошибки. Ну а Елена Васильевна в свиту себе понабрала и ко двору приблизила всякую молодежь зеленую, дерзкую, шумливую, веселую. Все они были одним лыком шиты: что братья великой княгини Михаил да Иван, что их жены, Аксинья и Ксения, что взятые ко двору боярыни да боярышни – Челяднины, Третьяковы, Волынские, Мстиславские... Ближе всех к Елене Васильевне стала Аграфена Федоровна Челяднина, в девичестве Оболенская-Телепнева. Она была весела, хороша собой и обожала старшего брата своего – князя Ивана Федоровича Овчину-Телепнева.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.